

БЕДНЫЙ БОГАЧ

«Ну, стоит ли богатым быть,
Чтоб вкусно никогда ни съесть, ни спить
И только деньги лишь копить?
Да и на что? Умрем — ведь все оставим!
Мы только лишь себя и мучим, и бесславим.
Нет, если б мне далось богатство на удел,
Не только бы рубля, я б тысяч не жалел,
Чтоб жить роскошно, пышно,
И о моих пирах далеко б было слышно;
Я даже делал бы добро другим;
А богачей скупых на муку жизнь похожа».

Так рассуждал Бедняк с собой самим,
В лачужке низменной, на голой лавке лежа;
Как вдруг к нему сквозь щелочку пролез,
Кто говорит — колдун, кто говорит — что бес,
Последнее едва ли не вернее:
Из дела будет то виднее.

Предстал и начал так: «Ты хочешь быть богат,
Я слышал для чего; служить я другу рад.
Вот кошелек тебе: червонец в нем, не боле;
Но вынешь лишь один, уж там готов другой.
Итак, приятель мой,

Разбогатеть теперь в твоей лишь воле.
Возьми ж и из него без счета вынимай,
Доколе будешь ты доволен;
Но только знай:
Истратить одного червонца ты не волен,
Пока в реку не бросишь кошелька».
Сказал — и с кошельком оставил Бедняка.
Бедняк от радости едва не помешался;
Но лишь опомнился, за кошелек принялся.
И что ж? — Чуть верится ему, что то не сон:
Едва червонец вынет он,
Уж в кошельке другой червонец шевелится.
«Ах, пусть лишь до утра мне счастье
продлится! —
Бедняк мой говорит, —
Червонцев я себе повытаскаю груду;
Так завтра же богат я буду
И заживу, как сибарит».
Однако ж поутру он думает другое.
«То правда, — говорит, — теперь я стал богат;
Да кто ж добру не рад?
И почему бы мне не быть богаче вдвое?
Неужто лень
Над кошельком еще провести хоть день?
Вот на дом у меня, на экипаж, на дачу;
Но если закупить могу я деревень,
Не глупо ли, когда случай к тому утрачу?
Так удержу чудесный кошелек:
Уж так и быть, еще я поговеею
Один денек;
А, впрочем, ведь пожить всегда успею».

Но что ж? Проходит день, неделя, месяц, год —
Бедняк мой потерял давно в червонцах счет;
Меж тем он скудно ест и скудно пьет;

Но чуть лишь день, а он опять за ту ж работу.

День кончится, и, по его расчету,
Ему всегда чего-нибудь недостает.

Лишь кошелек нести сберется,
То сердце у него сожмется;

Придет к реке — воротится опять.

«Как можно, — говорит, — от кошелька
отстать,

Когда мне золото рекою само льется?»

И, наконец, Бедняк мой поседел,
Бедняк мой похудел;

Как золото его, Бедняк мой пожелтел;

Уж и о пышности он боле не смекает:

Он стал и слаб, и хил; здоровье и покой —

Утратил все; но все дрожащею рукой

Из кошелька червонцы он таскает.

Таскал, таскал... и чем же кончил он?

На лавке, где своим богатством любовался,

На той же лавке он скончался,

Досчитывая свой девятый миллион.

БЕЛКА

В деревне, в праздник, под окном
Помещичьих хором
Народ толпился:
На Белку в колесе зевал он и дивился.
Вблизи с березы ей дивился тоже дрозд:
Так бегала она, что лапки лишь мелькали
И раздувался пышный хвост.
«Землячка старая, — спросил тут дрозд, —
нельзя ли
Сказать, что делаешь ты здесь?» —
«Ох, милый друг! тружусь день весь:
Я по делам гонцом у барина большого;
Ну, некогда ни пить, ни есть,
Ни даже духу перевесть».
И Белка в колесе бежать пустилась снова.
«Да, — улетаю, дрозд сказал, — то ясно
мне,
Что ты бежишь, а все на том же ты
окне».

Посмотришь на дельца иного:
Хлопочет, мечется — ему дивятся все;

Он, кажется, из кожи рвется,
Да только все вперед не подается,
Как белка в колесе.

БУЛАТ

Булатной сабли острый клинок
Заброшен был в железный хлам;
С ним вместе вынесен на рынок
И мужику задаром продан там.

У мужика затеи невелики:
Он отыскал тотчас в Булате прок.
Мужик мой насадил на клинок черенок
И стал Булатом драть в лесу на лапти лыки,
А дома запросто лучину им щепать;
То ветви у плетня, то сучья обрубать
Или обтесывать тычину к огороду.

Ну, так, что не прошло и году,
Как мой Булат в зубцах и в ржавчине кругом,
И дети ездят уж на нем
верхом.

Вот Еж, в избе под лавкой лежа,
Куда и клинок брошен был,
Однажды так Булату говорил:
«Скажи, на что вся жизнь твоя похожа?
И если про Булат
Так много громкого неложно говорят:
Не стыдно ли тебе щепать лучину

Или обтесывать тычину
И, наконец, игрушкой быть ребят?» —
«В руках бы воина врагам я был ужасен, —
Булат отвечает, — а здесь мой дар напрасен;
Так, низким лишь трудом я занят здесь в дому,
Но разве я свободен?
Нет, стыдно-то не мне, а стыдно лишь тому,
Кто не умел понять, к чему я годен».

БУМАЖНЫЙ ЗМЕЙ

Запущенный под облака
Бумажный Змей, приметя свысока
В долине Мотылька,
«Поверишь ли! — кричит. —
Чуть-чуть тебя мне видно;
Признайся, что тебе завидно
Смотреть на мой высокий столь
полет». —
«Завидно? Право, нет!
Напрасно о себе ты много так мечтаешь:
Хоть высоко, но ты на привязи летаешь.
Такая жизнь, мой свет,
От счастья весьма далеко;
А я, хоть, правда, невысоко,
Зато лечу,
Куда хочу;
Да я же так, как ты, в забаву для другого,
Пустого,
Век целый не трещу».

ВАСИЛЕК

В глуши расцветший Василек
Вдруг захирел, завял почти до половины
И, голову склоня на стебелек,
Уныло ждал своей кончины;
Зефиру между тем он жалобно шептал:
«Ах, если бы скорее день настал,
И солнце красное поля здесь осветило,
Быть может, и меня оно бы оживило!» —
«Уж как ты прост, мой друг! —
Ему сказал, вблизи копясь, Жук, —
Неужли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотреть, как ты растешь,
И вянешь ты или цветешь?
Поверь, что у него ни время, ни охоты
На это нет.
Когда бы ты летал, как я, да знал бы свет,
То видел бы, что здесь луга, поля и нивы
Им только и живут, им только и счастливы:
Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согревает,
И удивительною красотой

Цветы душистые богато убирает;
Да только те цветы
Совсем не то, что ты:
Они такой цены и красоты,
Что само время их, жалея, косит;
А ты не пышен, не пахуч;
Так солнца ты своей доукою не мучь!
Поверь, что на тебя оно луча не бросит
И добиваться ты пустого перестань,
Молчи и вянь!»

Но солнышко взошло, природу осветило,
По царству Флорину рассыпало лучи,
И бедный Василек, завянувший в ночи,
Небесным взором оживило.

О вы, кому в удел судьбою дан
Высокий сан!
Вы с солнца моего пример себе берите!
Смотрите:

Куда лишь луч его достанет, там оно,
Былинке ль, кедру ли — благоволит равно,
И радость по себе, и счастье оставляет;
Зато и вид его горит во всех сердцах,
Как чистый луч в восточных хрусталях,
И все его благословляет.

ВОЛК И ВОЛЧОНОК

Волчонка Волк, начав помалу приучать
Отцовским промыслом питаться,
Послал его опушкой прогуляться;
А между тем велел прилежней примечать,
Нельзя ль где счастья им отведать.
Хоть, захвата греха,
На счет бы пастуха
Позавтракать иль пообедать.
Приходит ученик домой
И говорит: «Пойдем скорей со мной!
Обед готов; ничто не может быть вернее:
Там под горой
Пасут овец, одна другой жирнее;
Любую стоит лишь унести
И съесть;
А стадо таково, что трудно перечесть». —
«Постой-ка, — Волк сказал, — сперва
мне ведать надо,
Каков пастух у стада?» —
«Хоть говорят, что он
Не плох, заботлив и умен,
Однако стадо я обшел со всех сторон

И высмотрел собак: они совсем не жирны
И плохи, кажется, и смирны». —
«Меня так этот слух, —
Волк старый говорит, — не очень к стаду
манит:

Коль подлинно не плох пастух,
Так он плохих собак держать не станет.
Тут тотчас попадешь в беду!
Пойдем-ка, я тебя на стадо наведу,
Где сэкономим верней мы наши шкуры:
Хотя при стаде том и множество собак,
Да сам пастух дурак;
А где пастух дурак, там и собаки дуры».

ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

Что волки жадны — всякий знает:

Волк, евши, никогда

Костей не разбирает.

Зато на одного из них пришла беда:

Он костью чуть не подавился.

Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть;

Пришло хоть ноги протянуть!

По счастью, близко тут Журавль случился.

Вот кой-как знаками стал Волк его манить

И просит горю пособить.

Журавль свой нос по шею

Засунул Волку в пасть и с трудностью

большую

Кость вытащил и стал за труд просить.

«Ты шутишь! — зверь вскричал

коварный. —

Тебе за труд? Ах ты, неблагодарный!

А это ничего, что свой ты долгий нос

И с глупой головой из горла цел унес?

Поди ж, приятель, убирайся,

Да берегись: вперед ты мне не попадайся!»

ВОЛК И КОТ

Волк из лесу в деревню забежал,
 Не в гости, но живот спасая;
 За шкуру он свою дрожал:
Охотники за ним гнались и гончих стая.
Он рад бы в первые тут шмыгнуть ворота,
 Да то лишь горе,
 Что все ворота на запоре.
Вот видит Волк мой на заборе
 Кота
И молит: «Васенька, мой друг! Скажи
 скорее,
 Кто здесь из мужиков добрее,
Чтобы укрыть меня от злых моих врагов?
Ты слышишь лай собак и страшный звук
 рогов?
Все это ведь за мной». — «Проси скорей
 Степана;
Мужик предобрый он», — кот Васька
 говорит.
«То так, да у него я ободрал барана». —
 «Ну попытайся ж у Демьяна». —
«Боюсь, что на меня и он сердит:

Я у него унес козленка». —
«Беги ж, вон там живет Трофим». —
«К Трофиму? Нет, боюсь и встретиться
я с ним:
Он на меня с весны грозится за ягненка!» —
«Ну, плохо ж! Но авось тебя укроет Клим!» —
«Ох, Вася, у него зарезал я теленка!» —
«Что вижу, кум! Ты всем в деревне насолил! —
Сказал тут Васька Волку. —
Какую ж ты себе защиту здесь сулил?
Нет, в наших мужичках не столько
мало толку,
Чтоб на свою беду тебя спасли они.
И правы — сам себя вини:
Что ты посеял, то и жни».

ВОЛК И МЫШОНОК

Из стада серый Волк
В лес овцу затащил, в укромный уголок,
Уж разумеется, не в гости:
Овечку бедную обжора ободрал,
И так ее он убирал,
Что на зубах хрустели кости.
Но как ни жаден был, а съесть всего
не мог;
Оставил к ужину запас и подле лег
Понежиться, вздохнуть от жирного обеда.
Вот близкого его соседа,
Мышонка, запахом пирушки привлекло.
Меж мхов и кочек он тихохонько
подкрался,
Схватил кусок мяса и с ним скорей
убрался
К себе домой, в дупло.
Увидя похищенье,
Волк мой
По лесу поднял вой;